

Литературные портреты князей XII—XIII веков так же лаконичны, впечатляющи, энергичны и просты, как и их портреты живописные. На иконе XII века Третьяковской галереи из Новгородского Юрьева монастыря Георгий Победоносец стоит со щитом за спиной, с копьем и мечом в руках, с кесарским венцом на голове. Все атрибуты власти при нем, оружие при нем; вспоминаются слова из „Изборника“ Святослава 1076 года — „красота воину оружие“.¹ Одежды Георгия тщательно выписаны и поражают богатством. Он обращен к зрителю, как бы позирует перед ним и прямо смотрит на него. Всё в нем различимо, ясно. Он изображен не в один из моментов своей жизни, а таким, каким он должен представляться зрителю всегда. Художник стремился изобразить все присущие ему признаки, а не какое-то из его временных состояний. Таков же Дмитрий Солунский на иконе XII века (в Третьяковской галерее) или Ярослав Всеволодович на фреске новгородской церкви Спаса Нередицы.

И в литературе, и в живописи перед нами несомненно искусство монументальное. Это искусство, способное воплотить героизм личности, понятия чести, славы, могущества князя, сословные различия в положении людей. Бесстрашие, мужество, феодальная верность, щедрость, поскольку все они выражались в поступках и речах, были „доступны для обозрения“ читателю, не скрывались в глубине личности, были выражены явно — словом, делом, жестами, положением, могли быть переданы летописцем без особого проникновения в тонкости психологии.

В образах князей этого времени отчасти проглядывает идеал мужественной красоты, созданный народным творчеством. Этот идеал приобретал особую торжественность и парадность под пером летописца, будучи поставлен им на службу интересам феодалов, однако вместе с тем многое утерял из того, чем было богато народное творчество, — главным образом элементы непосредственно реалистического изображения. Литературные портреты князей выступают перед нами как бы высеченными из камня, подобно „прилепам“ владими́ро-суздальских соборов: с той же мерою обобщения и с тем же минимумом жизненно наблюдаемых деталей.

Литературные способы характеристики князей согласуются со способами описания их действий, поступков, подвигов. И в этих описаниях писатели XII—XIII веков также полны заботы о соблюдении этикета,

не имеяхуть дати чего у них хотяше, они же емлюче серебро из ушью и с ши, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру. Володимер же поймав серебро и поиде, такоже емля серебро по всем градом, оли и до своей земли“.

¹ В. Шимановский. Сборник Святослава 1076 года. Изд. 2-е, Варшава, 1894, стр. 11. На это место „Изборника“ обратила мое внимание Н. А. Дёмина. В. Н. Лазарев пишет по поводу русской иконы Георгия-воина XII века Московского Успенского собора: „... в иконографии изучаемого нами памятника есть лишь одна не византийская деталь — жест левой согнутой руки, которая держит меч. Георгий выставляет этот меч напоказ подобно драгоценной реликвии. Известно, что наши далекие предки рассматривали меч как своего рода военную эмблему Руси. Вместе с тем меч являлся и символом власти, в частности — княжеской. В этом свете становится понятным жест левой руки Георгия. Он выставляет напоказ меч либо как военную эмблему Руси, либо как знак княжеского достоинства. Если образ Георгия был заказан каким-либо русским князем в качестве иконы соименного ему святого, то вероятнее второе предположение. В этом случае Георгий выступает в роли патрона князя и держит меч как знак княжеского достоинства охраняемого им лица“ (В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. Византийский временник, т. VI, 1953, стр. 190). В наблюдении В. Н. Лазарева для нас особенно важно одно: художник, как и писатель, стремится к эмблематическому изображению, к передаче признаков, знаков достоинства.